

Сарсекеева Н.К., Исакова У.Н.

Специфика мифопоэтических образов в повести О. Бокеева «Снежная девушка»

В статье рассматривается мифопоэтический подтекст повести казахского писателя О. Бокеева «Снежная девушка». Система образов произведения рассматривается на стыке реально-бытового и мифологического планов повествования. Оба плана, отражаясь друг в друге, как в зеркале, одновременно и противопоставлены, и объединены сложной системой соответствий. Подробно анализируются философские аспекты размышлений автора о причинах и сущности человеческой жестокости, о причинах деградации общества на духовном уровне и факторах, способных остановить подобные явления. Исследуются метафорические и фольклорно-мифологические образы, помогающие созданию мифопоэтического подтекста произведения – Снежной девушки, человека-зверя и др. Такое построение углубляет смысловую перспективу произведения, тем самым усложняя и подключая его к мощному контексту мифологической образности разных народов. Проводятся необходимые параллели в рамках сопоставления вышеуказанных образов в алтайском, японском, казахском фольклоре. Исследуется образно-мотивный комплекс повести О. Бокеева, в котором особую значимость имеет лейтмотив трагической судьбы девушки, которая пострадала по вине злодея Конкая. Делается вывод о том, что миф у О. Бокеева является средством концентрации мира вокруг человека и внутри него.

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, образ, сюжет, мотив, фольклор, синтез.

Sarsekeeva N.K., Issakova U.N.

Specificity of mythopoetical images in the novel O. Bokeev «Snow Girl»

The article discusses the implication of the story mythopoetical Kazakh writer O. Bokeev «Snow Girl». The system works the images seen at the junction of real, every day and mythological narratives plans. Both plans are reflected in each other, as in a mirror, both contrasted and combined with complex system of correspondences. Analyzed in detail the philosophical aspects of the author's reflections on the causes and nature of human cruelty, about the causes of degradation of the society on a spiritual level and the factors that could stop such events. We study the metaphorical and folklore and mythological images to help create mythopoetical subtext works – Snow girl, man-beast, and others. This arrangement enhances semantic-term work, thus complicating and connect it to the powerful imagery of mythological context of different nations. Wire must be parallel within the above comparison of the images in the Altai, Japanese, Kazakh folklore. We investigate the figurative motivic complex story O. Bokeev in which particular importance is the leitmotif of the tragic fate of the girl who suffered the fault villain Conca. The conclusion is that the myth of O. Bokeev have means of concentration of the world around man and within him.

Key words: myth, mythopoetics, image, plot, motive, folklore, synthesis.

Сарсекеева Н.К., Исакова У.Н.

О. Бөкеевтің «Қар қызы» повестіндегі мифопоэтикалық бейнелердің ерекшелігі

Мақалада қазақ жазушысы О. Бөкеевтің «Қар қызы» атты повестінің мифопоэтикалық астары сипатталады. Туындының бейнелер жүйесі шынайы-тұрмыстық және мифологиялық әңгімелеу жоспарлары тоғысында қарастырылады. Қос жоспар да бір-бірімен бір уақытта қарама-қарсы және де күрделі жүйемен сәйкестіріліп, біріктірілген көрініс табады. Сонымен қатар, автордың адамзаттың қатігез болмысы мен себептері, қоғамның рухани деңгейінің құлдырау себептері мен ықпалдары жайындағы толғанысының философиялық аспектілері жете талданды. Шығарманың мифопоэтикалық астарындағы қар қызы, адам аң секілді бейнелердің жаратылысына көмектесетін ауыспалы және фольклорлық-мифологиялық бейнелер зерттеледі. Мұндай құрылым түрлі халықтың мифологиялық бейнелерінің мәнмәтінін қиындата және кірістіре отырып, шығарманың мағыналық келешегін тереңдетеді. Жоғарыда аталған бейнелерге алтай, жапон және қазақ фольклорымен салыстырулар аясында керекті параллельдер жүргізіледі. О. Бөкеев повестінің негізгі арқауы – зұлым Қонқайдың кесірінен зардап шеккен байғұс қыздың қайғылы тағдыры зерттеледі.

Түйін сөздер: миф, мифопоэтика, бейне, сюжет, сарын, фольклор, синтез.

**СПЕЦИФИКА
МИФОПОЭТИЧЕСКИХ
ОБРАЗОВ В ПОВЕСТИ
О. БОКЕЕВА «СНЕЖНАЯ
ДЕВУШКА»**

В современном значении термин *мифопоэтика* рассматривается как исследование «проекции мифа» или мифологического образа, сюжета, мотива и т.д. на произведение в целом. При этом термин *миф*, по мнению В. Руднева, следует понимать в широком смысле [1, 161-172]. Мифопоэтикой сегодня называют метод литературоведческого анализа, направленный на изучение проявления этого явления в конкретных произведениях. Изучением мифа в XX-XXI в.в. занимались видные зарубежные ученые – Р. Барт, А. Гулыга, З.-Г. Фрейд, А. Лосев, В. Топоров, Е. Мелетинский, М. Элиаде, Дж. Фрезер, О. Фрейденберг и др. Литературу и миф связывает художественное начало, а специфика художественного мышления в его конкретно-чувственной природе, символическом характере и логике близка к образно-ассоциативному мышлению. Большинство исследователей в этой связи все чаще склоняются к мнению, что мифологизм – характерное явление современной литературы и как прием, и как стоящее за ним мироощущение.

Имя известного казахского писателя, драматурга, журналиста, лауреата многочисленных премий О. Бокеева (1943-1993) вошло в литературу как выражение реалистического и романтического мироощущения. Оралхан Бокеев отличался своим собственным, неповторимым стилем и взглядом на мир от многих представителей отечественной прозы 1960-1980-х гг. В своих книгах («След молний», «Поющие барханы», «Крик», «Человек-олень», «Олиара» и др.) он свободно, ясно и бесстрашно выражал собственную жизненную философию, связанную с судьбами дорогих ему земляков, их национальными чертами, обычаями и языком, красотами родной земли Восточного Казахстана. Его мировоззрение выражалось нередко в условно-метафорических формах во взглядах на общество, отношении людей друг к другу, к окружающему миру, к природе. Каждый герой произведений О. Бокеева является загадкой.

Вероятно, поэтому о писателе и его произведениях написано немало, но интерес к его книгам не иссякает и в наши дни. Так, крупнейший казахстанский поэт, писатель и общественный деятель Бахытжан Канапьянов проникновенно писал о нем: «... у каждого мастера литературного слова есть начальная точка отсчета, которая во многом характерна для персонажей,

образов и героев его книг – рассказов, повестей, романов.... Для него (О.Бокеева.- авт.) и героев его произведений подобной точкой отсчета является, разумеется, Алтай, предгорья этого изумительного края...Вблизи Катон-Карагая, между устьями рек Нарым и Бухтарма, среди гор великого Алтая, где мерцает своим вечным льдом Белуха, есть эта самая точка отсчета – это местность в один конный переход, где Казахский Алтай граничит с Россией, если с юга на север, с Китаем, если с севера на юг, и с Монголией, если с запада на восток.... Это ландшафт, на фоне которого живут, любят, надеются на лучшую участь, и в большей степени в одиночку, люди гор, люди Алтая – персонажи и образы Оралхана Бокеева. И в своем высоком стремлении сливаются и мыслями, и образом жизни, благородством и трагедийностью своего бытия с этим ландшафтом, растворяются в этой природной стихии – во имя своего бессмертия» [2, 5].

Обратимся к анализу одного из поздних произведений писателя – повести «Снежная девушка» (1985), в которой дается описание жизни казахского села после Великой Отечественной войны. Главными героями повести являются три друга – Нуржан, Бакытжан и Аманжан. Нуржан, обеспокоенный судьбой погибающего от зимней бескормицы скота, соглашается на опасную поездку за сеном в отдаленный горный район. Лейтмотивом же произведения является повествование о трагической судьбе молодой девушки, которая пострадала по вине негодяя Конкай, и с тех пор она бродит в горах и горько жалуется на свою неудавшуюся жизнь и судьбу.

Конкай – это символ предельного эгоизма, анархизма, образ человека, сознательно отгородившегося от цивилизации. В глазах ребят он выглядит как зверь: «– Ата!- громко позвал он, и собственный голос показался ему чужим. – Скажите нам, кто вы? Толстяк Бакытжан, которому вновь удалось задремать, вздрогнул при звуках голоса и очнулся. Старик сидел на низких нарах, не отвечая. И Аманжан, с ненавистью глядя на него, повторил вопрос:

– Ну?! Кто ты, спрашивают?

Бакытжан разобрался, что опасности нет никакой и промолвил, зевая:

– А-а..... Да никто, сказал же. Человек-икс.

Старик поднялся с нар, повесил на место ружье и, спокойно подойдя к печке, подбросил дров. Затем, словно вспомнив о чем-то, вышел из дома – все также босиком, в одной рубахе и кальсонах. Казалось, что ему совершенно без-

различно, зима на дворе или лето, он словно не знал, что значит холод, слабость, болезнь» [2, 290].

Конкай в изображении писателя – убежденный кержак, воспитанный в староверческом духе. Он – своего рода гротескный анахорет, в своем анархизме отрицающий любые формы персонификации и индивидуализации человека вплоть до национальной идентичности: « – Удивляюсь я на вас и на людей ваших. Чего вы в покое меня не оставите? Я ведь не ищущу вас, чего вы- то меня ищете? Значит, Конкай вам нужен, хоть вы Конкаю не нужны. Я ведь что? Хочу жить сам по себе, без вас. У меня мой угол, мое становье – и не трогай меня! Я Конкай! Я сам по себе царь, и хотя царство у меня не большое, я здесь не раб, а хозяин. Я полвека стерегу свое царство, и тому, кто попытается отнять его у меня, погасить этот очаг, или нарушить мой покой, – глаза его расширились как у безумного, – врагу своему я и пули не пожалею. Буду с ним насмерть биться...» [2, 297].

Конкай представляет собой лишенного индивидуально-личностных черт, абсолютно одинокого человека. Он тщательно продумал план собственной смерти, и в задуманном итоговом ритуальном самоуничтожении также находит мстительное удовлетворение чувства нелюбви к человечеству. Он позволяет себе преступление – насилие над девушкой, заблудившейся в горах, и в этом акте отчетливо проявляется его анархическая психология – делаю, что хочу, никто мне не указ.

Таким образом, Конкай – возможное развитие каждого из трех парней, некий максимум их гипотетической отрицательной эволюции. Заблудившись в горах (возможно, и в реальной жизни), они могут спастись только вместе, только объединив усилия. Тем не менее, Конкай в глазах односельчан – легендарная личность, жители района по-своему мифологизировали этот образ одинокого анахорета. В легенде о Конкае живет отголосок древнего мифа о «возвратившихся» – людях, полностью вернувшихся в естественную природу вплоть до животного образа жизни. Во многих произведениях фольклора разных народов есть мифологические образы химерических или синкретических существ: человека-волка, человека – медведя, человека-ягуара, человека-леопарда и т.д. Конкай находится на полпути к такому превращению. Он живет в избе, но много времени проводит в норе, где укрывается от людей, прячет пушнину, пьет пиво и свежую оленью кровь. Мифологизированный образ Кон-

кая наполнен сложными смысловыми коннотациями и философскими инвективами.

Кроме того, Конкай – это своеобразная ипостась Жезтырнака из казахского фольклора. Как известно, Жезтырнак – это персонаж казахского фольклора. Слово «жез» с казахского переводится как – латунь, а «тырнак» означает – коготь. В казахской народной мифологии «жезтырнак» – оборотень со страшными когтями, нападающий на одиноких путников. Очень замкнутое в себе создание. Смотрит на человека холодным, немигающим, пронизывающим взглядом. Отвечает на вопросы односложно и коротко [3]. Конкай это – человек-Жезтырнак, который живет только для себя, он не пожалеет никого, даже своего собственного сына.

В повести рассказывается о том, как встреча с Конкаем, одиноким злобным эгоистом, едва не приводит парней к роковому финалу, так как тот показывает им самую опасную и гибельную дорогу. Спасает джигитов сила надежды, мечты и Снежная девушка: *«В белую юрту, где лежал Нуржан, вошла Снежная девушка. Она подошла к нему, беспомощно распростертому на торе – кто-то связал ему веревкой руки и ноги... она склонилась к нему, приподняла его голову и зашептала, умоляюще глядя на него: «Вставай, вставай скорее, мой жигит! Солнце уже высоко». Но, как ни пытался, Нуржан не смог шевельнуть и пальцем. Все тело его превратилось в неподвижную, тяжелую глыбу. И тогда он произнес, едва, с невероятным усилием, шевеля губами:*

«Кто ты? Ангел или человек?»

«Ты же знаешь...Я – Снежная девушка», – был ответ.

«...Когда-то Конкай и меня отправил в снега, и я заблудилась и с тех пор хожу по этим белым увалам. Встань, Нуржан! Я не хочу, чтобы и ты вечно бродил, по снегам, оплакивая себя... Иди, Нуржан догони и приведи обратно своих товарищей!»

«...Вставай! не падай духом. Вставай, Нуржан и разбуди своих товарищей. Идите на землю – вы там нужны!» [2, 342].

Мечта – удел романтиков. Самый рефлексивный из героев – тракторист Нуржан, он и в снежной норе продолжал думать о возлюбленной, поэтому не замерз, не уснул и в критический момент разбудил друзей. Снежная девушка мистически является ему в грезах и не дает заснуть, настойчиво призывая к жизни.

Истоки образа Снежной девушки – в алтайском фольклоре. Это, по всей видимости, поэтическая версия древнего мифа о Матери-Земле в

ее женской ипостаси – Умай-шеше. Уральский вариант этого мифа – хозяйка Медной горы, поэтически воспетая П. Бажовым в одноименном произведении. Идеальный женский дух является только к чистому душой, безгрешному человеку. Таковым предстает в повести Нуржан, в душе – поэт, романтик. Философская подоплека этого мифопоэтического пласта заключается в следующем – только любовь, только высокая мечта спасают от холода отчуждения, одиночества, морального вырождения наконец.

Интересно, что образ Снежной девушки можно встретить и в японском фольклоре, только там ее называют Юки-онна. Юки-онна изображается, как правило, совершенно белой, почти прозрачной, словно изо льда, и очень красивой. Двигается она неторопливо и изящно, появляется чаще в сумерках или ночью во время снегопада или снежной бури. Притом она может объявиться в любом месте, где идет снег [4].

В повести О. Бокеева Снежная девушка – мистический герой. Она всегда предвидит появление Нуржана, являясь для него своеобразной музой: он всегда спасается, думая о ней. Но, одновременно она предстает и в образе обычной, земной девушки Алмаш: *« Нуржан: ...ты Алмашжан ... или – Снежная девушка? Кто из них?»*

Девушка (шепотом): Я не хочу тебя обманывать. Нет. Слушай. Я на самом деле Снежная девушка. В пургу ночью я бежала по снегу босиком, раздетая, и меня нашел в горах старик... хозяин этого дома. У них нет своих детей, и старики оставили меня у себя. Целый год никто не знал, что я прячусь здесь. За это время я узнала, что моя мать умерла в больнице. Кроме нее, у меня не было никого. И я тогда решила навсегда остаться здесь. Да и куда мне возвращаться, зачем? Где теперь мой аул?.. После того, что случилось, я боюсь людей, мой жигит. Я не верю им! Я умираю здесь от тоски и обиды, и пусть будет так. Когда на меня нападает тоска, я надеваю белое платье и убегаю ночью в горы, брожу одна по снегам... пою, плачу. Ата, старик мой, приводит меня обратно... он нарочно всем рассказывает небылицы о Снежной девушке, чтобы никто не догадался, что это я... Когда ночью по колени в снегу брожу я одна по горам, то жар души немного остывает – и я успокаиваюсь...» [2, 372].

Снежная девушка на сюжетном и композиционном уровне резко противопоставлена Конкаю: она спасительница, вдохновительница высоких чувств. На архаическом семантическом уровне мифа она может быть интерпретирована как де-

миург, покровительница искусств. Это полубожество, как отмечалось ранее, имеет и земную ипостась – персонификацию в образе девушки, спасшейся бегством от преследований Конкая. С тех пор девушка безвылазно живет в горах, помогая заблудившимся путникам. С ней сблизился Нуржан в зимовке старика – колхозника. Две оппозиции, как и положено в мифе, представлены в образах-антиподах: Снежная девушка – спасительница, а Конкай – губитель.

Обобщая, можно отметить, что образы Снежной девушки и Конкая в повести О. Бо-

кеева, несмотря на мифопоэтический подтекст, оказались эстетически локализованными: они не вывели писателя на уровень тех универсальных обобщений, сюжетов и парадигм мирового духовного значения, как это произошло в творчестве Ч. Айтматова, Г.Г. Маркеса. Это, видимо, объясняется тем, что романтическая направленность и рефлексивность (текучесть восприятия) в повести О. Бокеева взяли верх над его уникальным философским мышлением и не привели к созданию символического текста с глобальным значением мирового уровня.

Литература

- 1 Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
- 2 Бокеев О. Человек-олень. Повести; рассказы / Перевод с казахского. – Астана: Аударма, 2011. – 568 с.
- 3 <http://stepnyak.kz/viewtopic.php?t=363>
- 4 <http://www.legendami.ru/bod/japan/japan18.htm>

References

- 1 Rudnev V.P. Slovar' kul'tury ХХ века. Klyuchevye ponyatiya i teksty. – М.: Аграф, 1997. – 384 s.
- 2 Bokeev O. Shehovek-olen'. Povesti; rasskazy / Perevod s kazahskogo. – Astana: Audarma, 2011. – 568 s.
- 3 <http://stepnyak.kz/viewtopic.php?t=363>
- 4 <http://www.legendami.ru/bod/japan/japan18.htm>